

Анна САФРОНОВА

РАССКАЗЫ В ДЕКАБРЬСКОМ «ОКТЯБРЕ»

Октябрь. 2019. № 12. <https://magazines.gorky.media/october/2019/12>

«Октябрь», к восторгу читателей и пишущих, вернулся в ряды «толстяков» в конце минувшего года – с командой прежних и новых авторов.

Открывается номер Денисом Осокиным; его «Ночной караул» позиционируется как рассказ, и вместе с тем это поэзия – как всё, что им пишется. Сюжет условно можно пересказать: герой в день своего тридцатипятилетия поссорился с невестой, берет такси и едет прочь, в деревню колокудо, а рядом нежилая деревня маскародо, откуда он родом, и между ними всего-то километр или полтора. И вот невольный путешественник в тоскливом брошенном доме, – но появляется ночной дозор (йүд орол): «на йүд орол выходят каждую ночь – по известному всем порядку – от семьи к семье. как на дежурство – ну так это дежурство и есть. как на общественное пастушество – все по очереди. делать ничего особо не надо – сидеть где-нибудь то там то тут – обойти деревню несколько раз, а если вдруг дым или пламя – всех будить, всем тушить – всё просто...» И вот оно появляется, это прекрасное чувство дома: «я шел и обнаруживал внутри себя глубокую-яркую радость – я же так обожал эти ночные хождения. и даже бывал на них старшим лет с четырнадцати. а если летом – это ж вообще роскошь.. мой бог.. да меня ведь этот йүд орол и воспитал.. просто – самим своим существованием. и я не сумею назвать для себя более сильных и внятных учителей. даже рощи-кюсото не были так убедительны.. святые места мне нравились, волновали – но сердечное общение с ними я всегда откладывал на потом. а йүд орол был всегда – как палка, как собака, как день и ночь. и я ждал его. я его по-настоящему любил. а через него и с его помощью – по-настоящему любил весь мир и себя в нем». Волшебный Осокин снова сумел сделать так, что мы вместе с ним оказываемся – трудно сказать – в центре бытия? на грани бытия/небытия? перед лицом вечного и самого главного? Да и не нужны пафосные формулировки, всё просто:

«а еще я не спрашивал – потому что знал с кем я сейчас в ночном карауле. ни с кем иным – как с судьбой. с чистой судьбой. вот значит какая она из себя. надо ли мне что-то делать, пользоваться моментом? спрашивать или просить или спешить или к чему-нибудь подготовиться..? мои мысли были видны – мне сразу ответили – и я ответил:

– да нет, не надо.

– ну да, не надо.

– просто встреча?

– да. просто встреча.

– и ничего?

– и ничего, олёш».

Другой герой – другого рассказа другого автора – новый русский Эдик, внезапно покинув поезд «Москва – Владивосток», оказывается в местах пусть не детства, но незабываемой юности, где неожиданно обретает сына, о существовании которого не подозревал. Но это уже иная стихия – игровая, литературная. В рассказе Евгения Попова «“Случай” на станции Варварка» с подзаголовком «Святочный рассказ “из жизни”» есть, помимо героев, и рассказчик, и среди слушателей его – вполне документальные персонажи. Стихия именно игровая – не зря уже в самом заголовке

так много кавычек, обозначающих непростое происхождение этого «случая» как бы «из жизни».

Еще «литературное» в номере – рассказ Тимура Валитова «Бессмертие Ивана Ильича», отсылающий к Толстому. Нынешний Иван Ильич (точнее, Иван Ильич из будущего) получил ярлычок бессмертия. Ему, мающемуся от болей в боку, нужно дожить до вторника, чтобы это бессмертие получить. Но в сущности, как иронично подводит автор, Ивану Ильичу равно страшно и от возможности смерти, и от грядущего бессмертия: «Как не ври себе, а для бессмертия придется помереть».

И да, без оптимизма смотрит в будущее и Марта Антоничева (рассказ «Разговор с человеком»). Собственно, это короткая антиутопия. Герой в виртуальном храме: бросил монетку – прочитают молитву, можно выбрать причастие, но... дороговато, «Он запутался в дополнительных пакетах и опциях. Все они шли с разными обрядами и услугами. Отдельно можно выбрать только беседу, исповедь и причастие на выбор: с человеком, роботом или священником...» Ему нужен разговор с человеком, поговорить о своей незадавшейся семейной жизни, но человек оказывается молчаливым слушателем: «Для диалога следовало брать пакет “исповедь” либо проходить курс “очищение души” со священником». Кстати, сама исповедь героя – отдельный сюжет, встроенный в рассказ очень органично.

Мальчик из рассказа Алексея Сальникова «Сидеть»... А мы уже знаем такого замечательного мальчика по «Петровым в гриппе»: дитя с уникальным видением мира, чего взрослые в упор не замечают. Необычность Илюши из «Сидеть» тоже для взрослых невидима, и даже похуже: инакость воспринимается ими как отсталость, как неразвитость – дай бог бы в ПТУ поступить, «Не всем же звезды с неба хватать, – говорила мама, – кто-то и работать должен». Только один Алексей Сальников умеет так описывать: «Сажали рядом и повторяли одно и то же, тыкая пальцем в картинки, пока Илюша в один прекрасный момент не понял, о чем это они, всё до последнего слова. Пока не сообразил, что такое “испечь”, “колобок”, то, как выглядит и называется каждый из зверей, попадающийся колобку по пути. Тогда Илюша еще не знал слова “довыдывался”, но оно в виде чувства промелькивало в нем, когда колобок от раза к разу встречал свой закономерный конец. Сказка не надоедала, Илюша сам уже требовал повторить ее и несколько других историй: про репку, курицу с золотым яйцом, непослушного петуха, которого крала опять же лиса, очевидно не насытившись колобком, она же выгоняла зайца из лубяной избушки, она же пугалась другого петуха (или того же самого, съеденного понарошку, способного возвращаться то в роли героя, то в роли глупой птицы) и покидала заячью жилплощадь».

Не взрослые, но исключительно «нечто такое, его собственное, которое не воспитывали ни дома, ни в школе, этому нельзя было поставить оценку, нельзя было отключить, как телевизор, в наказание за двойку» – именно это «держит» нашего героя. Ну и одна счастливая встреча, студент-квартирант, призванный подтянуть Илью к экзаменам. Его методы... С наслаждением цитирую рассуждение о литературе: «Это просто называется громким словом “классика”, а на деле – вполне себе интересные книги, только к некоторым нужно привыкнуть, ну, как к вкусу какому-нибудь. “Горе от ума” – это усложненная сказка про медведя, который другим зверям дом разломал. Лев Николаевич – “Ежик в тумане”: дуб выплывает из мрака, лошадь возвышается над ежиком, как Наполеон над Болконским. И так же совершенно со всем остальным. А если выучишь слова “сюрреализм” да “экзистенциальный”, а еще лучше словосочетание “экзистенциальная драма”, тебя в ПТУ на руках занесут, может, даже не станут спрашивать, что ты имел в виду, когда это написал».

Несколько лет Илья живет в режиме работа – дом (с квартирантами), пока, наконец, не снимает жильё, побуждаемый матерью: «я еще молодая вполне себе женщина».

Порадуемся за героя: «Он понял: вся его жизнь, от рождения, через детский сад, школу, пионерские лагеря, училище, армию, работу, была будто один день какого-то чужого, очень шумного праздника, где веселились все, кроме него. Без конца его дергали, порой вытаскивали на общее обозрение, ждали от него чего-то, а он хотел только спать, но спать было еще рано. Теперь был вечер после этого немыслимо длинного праздничного дня, прошедшего как бы в тесном и душном Доме культуры, где по прихоти пожилого директора переусердствовали с температурой парового отопления, Илья будто вышел из этого дома на зимний воздух. То, что он принимал за отдых, когда отстранялся от общего гвалта, не было вовсе отдыхом, а только передышкой. Оказалось, что под тем расслаблением, к какому он привык от рождения, таился невероятный покой, охвативший его теперь с такой мощью, что не было сил встать».

И подивимся мастерству Сальникова, плотности его письма: «материала» здесь бы хватило и на повесть, и на роман, а ведь сумел так много сказать на небольшом поле.

В рассказе «Звери» Дениса Драгунского вроде бы социальный фон – герои (Тамара и Никита) едут раздавать гуманитарную помощь в лагерь беженцев. Те – озверевшие, воруют друг у друга, потеряли человеческий облик. Но кто в большей степени звери? Автор проводит параллель между «тетками-беженками» и Тамарой, и... вопрос переключивается из социальной плоскости в нравственную и повисает, безответный, в воздухе.

Два рассказа Павла Селукова, второй, «Синдикатчики» – из жизни обитателей спальных районов, важная для автора тема. Уместно сослаться на его слова из интервью «Фонтанке.ру»: «Мне интересны люди, которые живут вокруг меня. Хочется показать, что все сложнее: гопники не совсем гопники, неудачники не совсем неудачники, и у всех есть радости и большие поступки, на которые способны «маленькие люди». Удобно же мыслить стереотипами и не видеть за ярлыками человека»¹.

Помимо упомянутого, в номере: изящный «японский» рассказ Анаит Григорян «Заколка Момоко-сан»; печальный «деревенский» рассказ Марины Ахмедовой «Корова» – о нежной Гале, которая «мечтала стать астрономом, но стала продавщицей»; рассказ Александра Бушковского «О любви не вышло», а вышло – о «сконцентрированном одиночестве, возведенном в высшую степень»; рассказы Игоря Савельева, Ксении Драгунской, Руслана Омарова, Жени Декиной, Бориса Минаева, Ольги Сульчинской, Бориса Мессерера, Булата Ханова.

В целом же получилась как бы антология современного рассказа в составе номера – разносторонняя и интересная.

¹ <https://calendar.fontanka.ru/articles/8783/>